

«Просветитель» темных времен

Председатель оргкомитета премии «Просветитель» Александр Гаврилов рассказывает про семь самых актуальных книг из лонг-листа

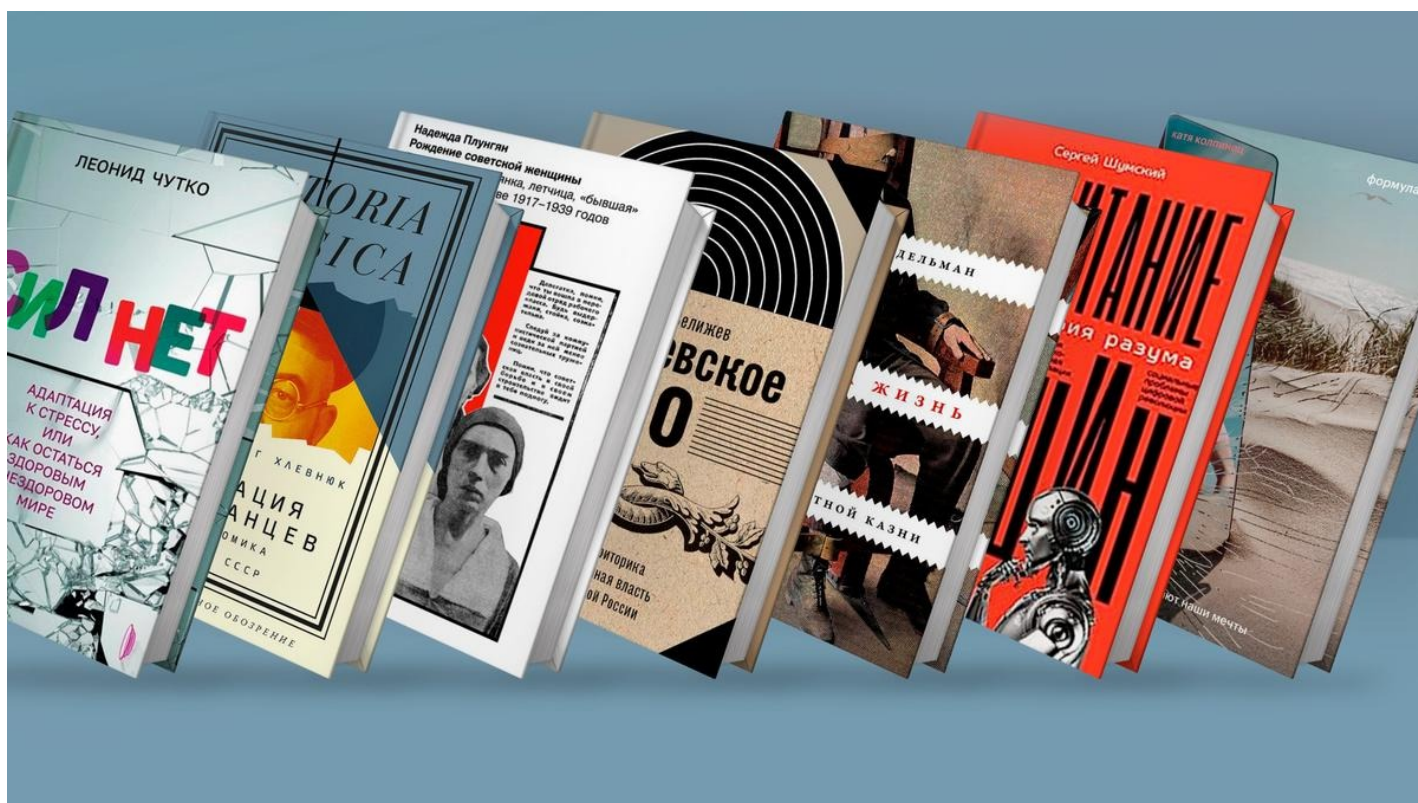

Иллюстрация: «Новая газета Европа»

15:28, 3 июля 2023,

Сорин Брут

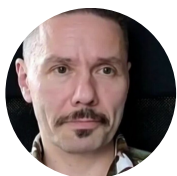
специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

На прошлой неделе был опубликован лонг-лист премии Дмитрия Зимина «Просветитель», вручаемой за лучшую научно-популярную книгу на русском языке. Среди номинантов этого года работы об искусственном интеллекте, адаптации к стрессу, инстаграме, формирующем иллюзорную реальность, и исторические исследования, тесно переплетающиеся с сегодняшним днем. В списке также представлен новый труд Тамары Эйдельман о смертной казни. «Новая газета Европа» выбрала семь самых интересных книг из лонг-листа и попросила рассказать о них председателя оргкомитета премии, литературного критика Александра Гаврилова.

Напоминаем, «Новая газета Европа» признана нежелательной. Не ссылайтесь на нас в соцсетях, если вы находитесь в России.

Александр Гаврилов

литературный критик, редактор, поэт

Леонид Чутко: «Сил нет. Адаптация к стрессу, или Как остаться здоровым в нездоровом мире»

Книжка Леонида Чутко особенно хороша по двум причинам. Во-первых, она необыкновенно своевременна. Думаю, все, кто живет в 2023 году и читает на русском языке, испытывают жестокий стресс. Вторая причина немного сложнее. Бытовой взгляд на стресс чрезвычайно прост. Бабушки 80-х годов на лавочках его удачно формулировали: «Все болезни от нервов». То есть стресс разрушает нашу жизнь, и чем его меньше, тем

лучше. Леонид Чутко же следует научному консенсусу в этом вопросе. Автор показывает, что стресс устроен гораздо сложнее и что правильная реакция на него делает психику более здоровой и устойчивой. Основатель теории стресса Ганс Селье вообще утверждал, что без хорошего, правильного стресса, эустресса, жизнь скучна и безвкусна. Главное не в том, чтобы минимизировать стресс. Вероятно, в наших нынешних обстоятельствах это попросту невозможно. Гораздо важнее выстроить систему так, чтобы стресс не разрушал персональный баланс человека.

Обложка книги Леонида Чутко: «Сил нет. Адаптация к стрессу, или Как остаться здоровым в нездоровом мире». Фото: [ВКонтакте](#)

Чутко переводит разговор о феноменах современной жизни из пространства эмоциональной истерики («Почему ты ушел в запой?! У меня стресс!») в область интеллектуального постижения. А на мой взгляд, интеллектуальное постижение —

это едва ли не лучший инструмент работы со стрессом вообще. Вот, допустим, на меня из медиа, старых и новых, выливается какой-то объем информации о мире, которая меня разрушает. Нужно осмыслить, какая ее часть важна, какая не важна, а какая изначально спроектирована как давление. Когда это хоть немножко понимаешь, начинаешь жить лучше. Книжка Чутко объясняет, что такое стресс, как устроена адаптация к нему, и много рассказывает о современной теории стресса. При этом «Сил нет...» привязана к практике. На мой взгляд, даже немножко слишком. Это не self-help литература, конечно. Но с интеллектуальным и академическим измерением в ней соседствует прикладное, которому уделено много внимания.

Екатерина Колпинец: «Формула грез. Как социальные сети создают наши мечты»

Книга Колпинец рассказывает о том, как соцсети нормируют и предписывают нам определенный тип жизни. Основной предмет ее исследования — это инстаграм и его селебрити-культура. Строго говоря, глянцева журналистика и реалити-шоу были предшественниками инстаграма, но при этом воздействовали гораздо слабее. Мы, конечно, знаем истории женщин, которые, начитавшись модных журналов, морили себя голодом и тратили все семейные сбережения на какие-то пластические операции. И мы понимаем, что реалити-шоу полностью переменяли взаимоотношения частного и публичного пространств. Но инстаграм в этом смысле шагнул гораздо дальше и завладел мечтами гораздо сильнее. Например, американское общество и даже американские власти были чрезвычайно озабочены тем, что инстаграм поглощает жизнь, и тем, что логика этой платформы — создавать не просто недостижимый, а изначально лживый образ для подражания, который неминуемо включает в себя бесконечную фрустрацию от невозможности жить этой жизнью.

Обложка книги Екатерины Колпинец: «Формула грез. Как социальные сети создают наши мечты». Фото: [Литрес](#)

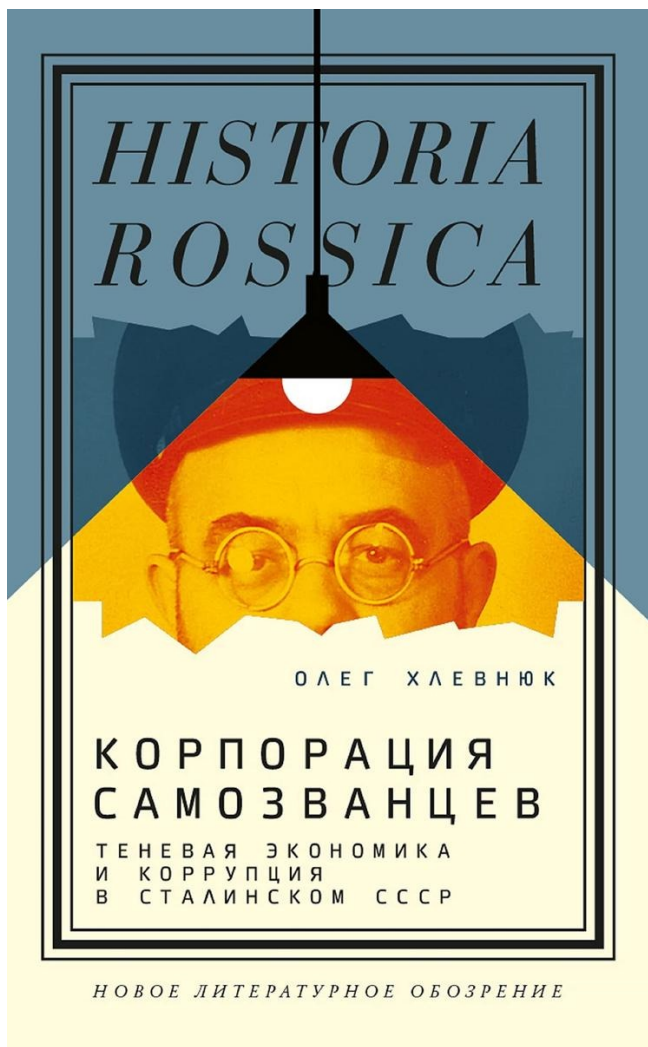
С одной стороны, инстаграм создает очень короткую дистанцию между потребителем и поставщиком образа. С другой стороны, у меня сложилось впечатление, что жизнь потребителя таких медийных мечтаний оказывается симулякром. То есть он подражает оригиналу, которого в действительности не существует. А погружение в симулятивную реальность так или иначе ведет к шизофреническому расщеплению.

Книга Колпинец, конечно, из прежней эпохи, потому что в последнее время мы увидели, как на платформенном уровне порождают фрустрацию и оказываются захвачены поставщиками лжи уже совсем другие соцсети. Взять хотя бы поход на Москву ЧВК «Вагнер», вся мощь которого существует исключительно в телеграме Пригожина и тысячах каналов его платных прихвостней. А что там происходило в реальности, мы не можем знать, потому что никакого столкновения с

реальностью у нас, потребителей новейших медиа, нет. «Формула грез...» очень интересна именно потому, что она описывает механизмы этого сотворения лжи и заражения ложью. Хотя методология тут в основном западная, Колпинец исследует много российских и, надо сказать, очень интересных кейсов. А ее рассуждение о природе лайка мне кажется важным еще и потому, что оно, конечно, гораздо шире разговора об инстаграме.

Олег Хлевнюк: «Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР»

Историк Олег Хлевнюк раскопал потрясающий, невероятный случай. На дворе 1948 год. Только что закончилась война. Необходимо отстраивать те территории, где происходили военные действия, а строительство — это дико зарегулированная государством область. В такой ситуации появляется Николай Павленко, который прежде был председателем кооперативной строительной артели. Он назначает сам себя полковником инженерных войск, подделывает огромное количество документов, создает несуществующую корпорацию — управление военного строительства № 10, — которая с 1948 по 1952 год (!!!) получает огромные государственные подряды и выполняет их.

Обложка книги Олега Хлевнюка: «Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР». Фото: [Good Reads](#)

Понятно, что в очень зарегулированном на уровне государства и бытовых практик советском пространстве Павленко должен был много заниматься социальной мимикрией, изображать полковника инженерных войск, а также делать вид, что он — управление военного строительства № 10. Это плутовской сюжет феерического, немыслимого калибра. Никакой Остап Бендер рядом близко не стоял! На примере этого масштабного «исторического анекдота» Хлевнюку удастся описать специфику теневой экономики Советского Союза и коррупции в рамках подряда и государственных контрактов. Он показывает, что внутри советского тоталитарного пространства можно было при определенной предприимчивости, склонности к социальной мимикрии и, конечно, отмороженности чувствовать себя вполне комфортно. Это безумно увлекательная книга. Во многом потому, что Хлевнюк не только ученый, но и блестящий писатель.

Надежда Плунгян: «Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов»

Книга Надежды Плунгян — основательное академическое исследование о том, кто такая «советская женщина». При этом ее вполне может читать человек без специального образования. В списках «Просветителя» уже были работы, посвященные советским социальным типам, но Плунгян выбирает другой ракурс. Она смотрит, как советскую женщину изображали в искусстве — от агит-фарфора и плакатов до живописи и журнальной иллюстрации. Мне кажется, что эта книга важна сегодня еще и потому, что представляет довольно левый, антилиберальный взгляд, который, само собой, не имеет ничего общего с путинским антилиберализмом. Плунгян увлечена советским проектом освобождения женщины, безусловно крайне прогрессивным для начала XX века. Поскольку советская власть пыталась доказать, что страна победившего пролетариата самая передовая на белом свете, она подхватывала все темы европейского социально-освободительного движения.

Надежда Плунгян

Рождение советской женщины

Работница, крестьянка, летчица, «бывшая»
и другие в искусстве 1917–1939 годов

Обложка книги Надежды Плунгян: «Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов». Фото: [Storytel](#)

Мы и за свободу трудящихся, и за свободу социальных, религиозных и прочих меньшинств и т. д. Конечно, всё это очень быстро свернули. Но как раз тема женских свобод оказалась самой живучей и оборвалась только с загниванием и распадом Советского Союза. Если мы возьмем биографии Аллы Пугачёвой или Валентины Терешковой, то в обеих увидим демонтаж женских свобод и ухудшение положения женщины в позднем советском и постсоветском обществе. Но это далеко за пределами книги Плунгян, потому что она исследует как раз начало этой истории.

То безусловно необходимое феминистическое движение, которое сейчас разворачивается в русскоязычном пространстве, часто оказывается в некоторой степени захвачено повесткой американского феминизма. Просто потому, что она риторически лучше всего проработана. В то же время в

постсоветском пространстве есть своя интеллектуальная, художественная, медийная традиция освобождения женщины. У очень левого мыслителя Надежды Плунгян, в отличие от большого числа либеральных исследователей и активистов, нет необходимости отвергать весь советский опыт, и она может описывать его как модельный. Очень важная задача — вывести этот материал и такую идеологическую базу в пространство обозримого. И я думаю, что сегодня для феминистического разговора на русском языке «Рождение советской женщины...» — одна из самых главных книг.

Михаил Велижев: «Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России»

Один из главных специалистов по истории николаевской эпохи Михаил Велижев рассказывает об одном чрезвычайно знаменитом деле — судебном преследовании философа Петра Чаадаева за публикацию «Философических писем». Понятно, что для правильного понимания происходящего Велижеву важно описать николаевскую Россию. На полях замечу, что путинская Россия больше всего похожа, конечно, даже не на салазаровские или франкистские автократии, а именно на самые унылые и мрачные периоды российского самодержавия.

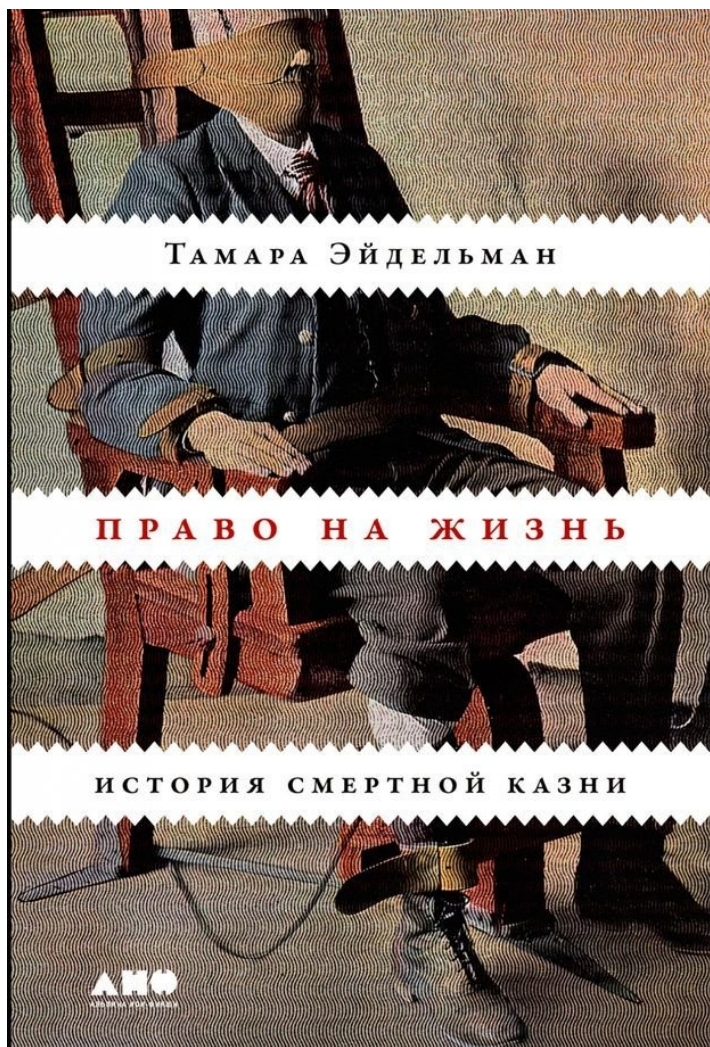
Обложка книги Михаила Велижева: «Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России». Фото: [Amazon](#)

То, что произошло с Чаадаевым, — это очень современный кейс. Он пишет текст, который, с одной стороны, возмущает верховную власть, а с другой стороны, становится предметом самого широкого обсуждения в свете. Издатель журнала «Телескоп» Надеждин отправлен в ссылку, пропустивший публикацию цензор — в отставку, Чаадаев — под надзор врача на год, с запретом что бы то ни было писать (и он немедленно нарушает этот запрет, работая над «Апологией сумасшедшего»). Велижев относится с большим почтением к своему герою, но, будучи настоящим историком, не может не показывать, что приговор Чаадаеву был существенно мягче, чем, например, Надеждину, что Пётр Яковлевич на первых же допросах «сдал» всех соучастников и что сама по себе история мятежного гения, жестоко подавленного властью, в значительной степени создана самим Чаадаевым.

Проблема столкновения Чаадаева с николаевской Россией не в том, что он западник, а в том, что он критик. Традиционное представление о том, что со славянофилами автор «Писем» находился в непримиримом противостоянии, тоже относится к области мифологии. Но откуда бы ни была направлена критика государственной идеологии, с Запада ли, Востока, Юга или Севера, она должна быть отмечена и заглушена. У частного актора не должно быть своей идеологической воли. И в этом смысле николаевская Россия тоже чрезвычайно похожа на путинскую. Я не думаю, что историку Велижеву очень важны эти пересечения. И уж точно все параллели с сегодняшним днем неумышленны. Скорее, это сам сегодняшний день идет навстречу наиболее мрачным страницам российской истории. Но исследование Велижева подспудно высветляет некоторые сквозные сюжеты российской политической жизни — от агрессивной реакции на любую свободу до ловкого создания мифов о себе среди критиков власти.

Тамара Эйдельман: «Право на жизнь. История смертной казни»

Тамара Эйдельман сейчас заняла очень интересную общественную нишу. Она остается учителем, но теперь учит очень широкую аудиторию, и не в рамках школьного принуждения, а в формате свободного востребования знаний. «Право на жизнь...» — книжка, написанная школьным учителем. Это сборник необыкновенно увлекательных историй. В то же время Эйдельман ставит очень любопытный и глубокий вопрос: «Почему можно убивать?» Все культуры знают, что убивать нельзя. Нет культур, в которых поощрялось бы убийство. Но нет и культур, которые не прибегали бы в какой-то исторический момент к смертной казни.

Обложка книги Тамары Эйдельман: «Право на жизнь. История смертной казни». Фото: [Читай город](#)

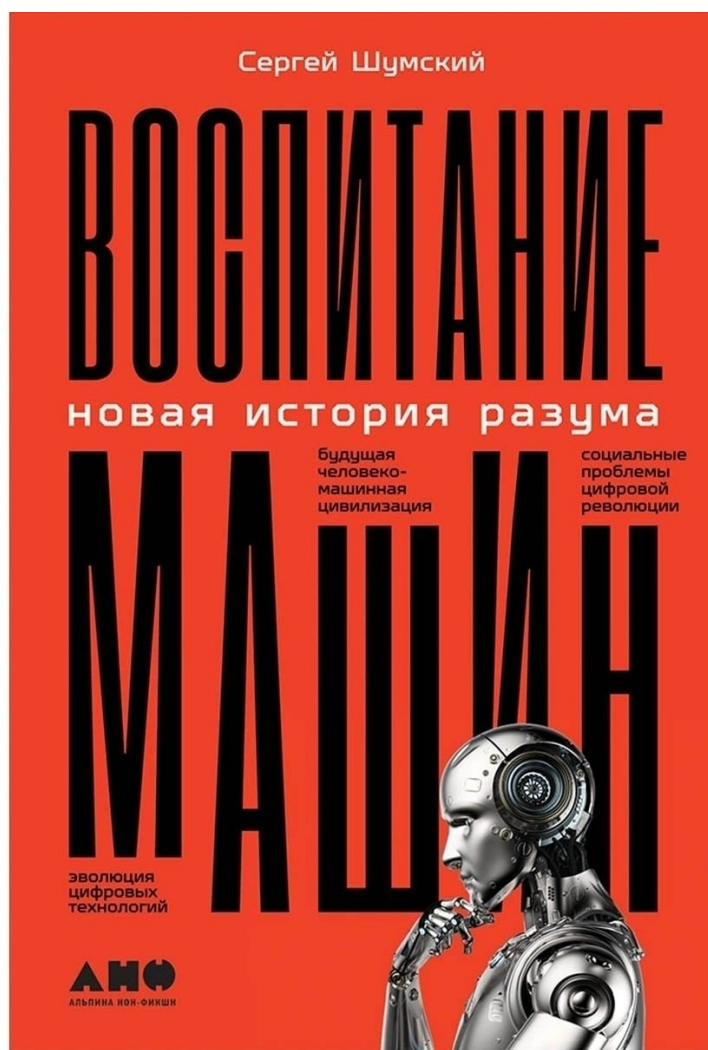
Тамара Эйдельман разбирается, кто, кого, когда и на каких идеологических основаниях мог убивать. Она рассказывает о том, как это происходило в Китае, Греции, России или Америке, о принципах допустимого убийства в разные эпохи, о знаменитых казнях и их жертвах. Книга включает множество персоналий — от Сократа до Чикатило. Прочитав ее, ты оказываешься обогащен огромным количеством застольных анекдотов. В следующий раз, когда придешь на фуршет и будешь стоять в углу со стаканом, не зная, чем заняться, поймаешь первого попавшегося человека и начнешь рассказывать ему истории про смертные казни всех времен и народов, покуда он не позеленеет. И вы оба будете довольны. «Право на жизнь...» безусловно повышает вашу коммуникативную привлекательность.

Но внутри этого вороха историй есть один сквозной мотив. Мы,

люди начала XXI века, хотели бы существовать в гуманистическом пространстве, и поэтому любые формы организованного, государственного убийства для нас возмутительны. Но в действительности мы окружены убийствами. Достаточно вспомнить о казни саудовского оппозиционного журналиста Джамала Хашогги прямо на территории консульства в Турции или о нынешней чудовищной войне, в которой ежедневно происходят абсолютно немотивированные убийства. При этом мы не можем четко назвать критерий, по которому одни культуры продолжают применять смертную казнь, а другие нет. В России, например, ее нет, в Беларуси есть, и в США тоже есть. «Право на жизнь...» — очень гуманистическая книга. В ней, разумеется, смертная казнь недопустима, все, кто борется против нее, молодцы, а все, кто ее защищает, негодяи. Но читаем-то мы — люди, которые окружены смертью. И в этом смысле книга Эйдельман оказывается очень своевременной. Именно потому, что ставит вопрос о том, какое место убийство занимает в нашей собственной культуре.

Сергей Шумский: «Воспитание машин: новая история разума»

Эта книжка написана как бы из предыдущей эпохи, полностью изменившейся за три года. Еще не было MidJourney, ChatGPT, вообще того прорыва искусственного интеллекта, который меняет наши практики каждый день. Шумский намечает будущие тенденции, а мы уже в этом будущем живем. «Воспитание машин...» очень хорошо объясняет, на каких идейных и духовных основаниях построена та революция, свидетелями которой мы являемся. Если исследование Велижева показывает, что за 300 лет ничего не изменилось, то книжка Шумского, наоборот, демонстрирует, как стремительно движутся современные процессы.

Обложка книги Сергея Шумского «Воспитание машин: новая история разума». Фото: [Amazon](#)

Но мне кажется, что в этой книге интереснее и важнее все-таки другое. Шумский говорит не только об искусственном интеллекте и о том, каким образом мы хотим перестроить наши отношения с машиной. Он задает очень точный и сложный вопрос: «А что такое разум?» Что мы вкладывали в это понятие 400 лет назад, 100 лет назад? Что вкладываем сегодня? Как только мы приближаемся к попытке понять, кто мы такие и почему думаем о себе то, что думаем, всё становится безумно сложным. В исламском богословии есть прекрасное рассуждение о том, что Бог создал человека по своему образу и подобию, чтобы познать себя. Покуда Он оставался «единственным», Он не мог этого сделать. Ему нужно было отражение. Почему мы разумны? В чем состоит наша разумность? Чтобы разрешить подобные вопросы, нам тоже нужно в чем-то отразиться. Книжка Шумского очень хорошо

показывает именно это — как человек, вглядываясь в созданную им разумную машину, пытается постичь самого себя.

Формировать шорт-лист будет жюри под председательством писателя, популяризатора и публициста Александра Архангельского.

ДЛИННЫЙ СПИСОК XVI СЕЗОНА ПРЕМИИ «ПРОСВЕТИТЕЛЬ»:

- Рамиз Алиев. Что случилось с климатом. — М.: Паулсен, 2022.
- Михаил Велижев. Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. — М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Андрей Горохов. Визуальный клей. — М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2023.
- Александра Горяшко. Дикая птица и культурный человек. Гага обыкновенная и человек разумный: четырнадцать веков взаимоотношений. — СПб.: Типография «ЛД-Принт», 2020.
- Екатерина Колпинец. Формула грез. Как соцсети создают наши мечты. — М.: Individuum, 2022.
- Игорь Лисов. Разведчики внешних планет: Путешествие «Пионеров» и «Вояджеров» от Земли до Нептуна и далее. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
- Катерина Михалева-Эгер. 350 лет современной моды, или Социальная история одного обыденного явления. — [б. м.]: Издательские решения, 2023.
- Александр Можаяев. Великий посад Москвы. Подлинная история Китай-города. — М.: Бомбора, 2022.
- Антон Нелихов. Динозавры России: Прошлое, настоящее, будущее. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

- Наталия Осояну. Румынские мифы. От вырколаков и фараонов до Мумы Пэдурий и Дракулы. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023.
- Владимир Паевский. Пернатые многоженцы: любовь, браки, измены и разводы в мире птиц. — М., СПб.: Т8 Издательские Технологии / Пальмира, 2023.
- Татьяна Пигарёва. Испания от И до Я. Двойники Дали, сервантесовская вобла и другие истории заядлого испаниста. — М.: Слово/Slovo, 2022.
- Надежда Плунгян. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов. — М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022.
- Сергей Самойленко. Вероятности и неприятности. Математика повседневной жизни. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022.
- Олег Хлевнюк. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. — М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- Елена Хохлова. Главное в истории искусства Кореи. Ключевые произведения, темы, имена, техники. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023.
- Леонид Чутко. Сил нет. Адаптация к стрессу, или Как остаться здоровым в нездоровом мире. — СПб.: Портал, 2023.
- Олег Шумаков. Королевство Камбоджа. Затянувшееся путешествие зоолога. — М.: Фитон XXI, 2021.
- Сергей Шумский. Воспитание машин: Новая история разума. — М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Тамара Эйдельман. Право на жизнь. История смертной казни. — М.: Альпина нон-фикшн, 2023.